

На правах рукописи

ШКУРАТОК Юлия Анатольевна

**РАЗВИТИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
У СЛОВ С КОРНЯМИ *věd- и *zna-
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь 2012

Работа выполнена на кафедре общего и славянского языкознания
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследова-
тельский университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Полякова Елена Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Рут Мария Эдуардовна
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина», профессор кафедры
русского языка и общего языкознания

кандидат филологических наук, доцент
Логунова Наталия Васильевна
ФГБОУ ВПО «Соликамский государствен-
ный педагогический институт», доцент ка-
федры русской и зарубежной филологии

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований
Российской академии наук

Защита состоится 26 марта 2012 г. в 14.00 часов на заседании диссер-
тационного совета Д 212.189.11 при ФГБОУ ВПО «Пермский государ-
ственный национальный исследовательский университет» по адресу:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, зал заседаний Ученого совета

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО
«Пермский государственный национальный исследовательский уни-
верситет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Автореферат разослан «24» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

С. Л. Мишланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено проблеме развития мифологической семантики у слов с корнями **vĕd-* и **zna-* в русском языке.

Настоящая работа выполнена на стыке «узкой» этнолингвистики, исторической и диалектной семантики. Этнолингвистика, изучающая язык в его взаимодействии с традиционной духовной культурой народа, проявляет пристальное внимание к этнокультурной информации, заложенной в семантике слова, его мотивации и логике развития значения. В современной славистике и русистике это направление представлено именами Е. Бартминского, Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградовой, А. В. Гуры, А. Ф. Журавлева, Е. Е. Левкинской, С. Е. Никитиной, И. А. Подюкова, И. И. Русиновой, М. Э. Рут, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, О. А. Черепановой и мн. др.

Слова с корнями **vĕd-* и **zna-* неоднократно привлекали внимание ведущих отечественных ученых: к реконструкции древнейшей семантики н.-е. корня **ǵnō-/ǵen-*, к которому восходит русский глагол *знать*, обращались О. Н. Трубачев и В. Н. Топоров, проблема семантического разграничения древнерусских глаголов *вѣдати* и *знати* была затронута в работах Б. А. Успенского, А. Ф. Журавлева, Ю. С. Степанова, Т. И. Вендиной, А. В. Пгенцовой и др., однако семантический переход ‘знать’ > ‘обладать особым, сверхъестественным знанием; быть знахарем, колдуном’ не был предметом специального рассмотрения.

Мифологическая семантика глаголов класса ‘знать’ и их дериватов не анализировалась и в синхронных исследованиях, хотя русская лексема *знать* хорошо изучена, особенно в логическом и синтаксическом аспектах. Семантическому наполнению глагола *знать* посвящен ряд работ Ю. А. Апресяна, сопоставлению семантики глаголов *знать* и *ведать* в современном русском языке – его статья в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка».

Вопрос появления у глаголов семантического класса ‘знать’ мифологической семантики был поднят в главе «“Знать” и “делать”» монографии О. Б. Христофоровой «Колдуны и их жертвы: Антропология колдовства в современной России» (2010 г.), а также в цикле статей И. И. Русиновой, посвященных анализу магической лексики северных пермских говоров.

Стоит отметить, что мифологическая проза Пермского края в последние годы активно исследуется: собраны и обработаны полевые материалы, создана картотека лексических и фразеологических единиц, функционирующих в мифологических рассказах Пермского края,

выходят статьи и защищаются диссертации. Привлечение пермских диалектных данных позволяет вскрыть экстралингвистическую основу исследуемых языковых изменений, детально проследить процесс семантического развития изучаемой группы лексики, реконструировать не зафиксированные в памятниках звенья семантических переходов, что невозможно сделать, опираясь лишь на материалы исторических и диалектных словарей русского языка.

В настоящей работе совмещаются два противоположных подхода, во-первых, диахронический, ориентированный на выявление закономерностей исторического развития мифологических значений в лексических гнездах корней с близкой семантикой, во-вторых, синхронический, направленный на описание семантических процессов, наблюдаемых в современной системе говора.

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью методологии семантической реконструкции лексики, необходимостью выявления регулярных семантических переходов и общих закономерностей семантического развития разных групп и разрядов лексики.

Научная новизна исследования состоит в описании развития мифологической семантики в лексических гнездах близких по значению корней **vĕd-* и **zna-* в историческом аспекте. В исследовании выявляются регулярные семантические переходы; осуществляется семантическая реконструкция некоторых «тёмных» лексем; в научный оборот вводится диалектный материал, в том числе из неопубликованных источников.

Выбор слов с этими корнями обусловлен тем, что они отражают архаическое мировосприятие и позволяют реконструировать семантические связи, свойственные сознанию носителя традиционной культуры. Развитие мифологической семантики у единиц с корнями **vĕd-* и **zna-* обусловлено представлениями о существовании двух миров – мира человеческого и мира потустороннего – и особых людей, которые наделяются сверхъестественными качествами. Так называемым «знающим» людям приписывается умение общаться с нечистой силой, насыпать порчу и снимать ее, превращаться в животных, перенимать у соседей все виды благ, выступать в качестве предсказателей судьбы и т. п.

В лексических гнездах с корнями **vĕd-* и **zna-* были отобраны единицы, называющие обладающих сверхъестественными свойствами людей, их признаки и действия. В работе также анализируются слова со значениями, представляющими собой следующую ступень семантического развития: наименования существ низшей демонологии, животных, птиц и т. д. Помимо слов с корнями **vĕd-* и **zna-*, исследова-

ние затрагивает некоторые другие лексемы, связанные с указанными системными семантическими отношениями и/или повлиявшие на развитие семантики дериватов с корнями **vĕd-* и **zna-*.

Объем материала составляет более 1000 единиц фиксации.

Материал исследования был извлечен методом сплошной выборки из словарей, фольклорных, диалектных записей и публикаций. Далее перечислены лишь те, в которых наиболее полно отражены исследуемые единицы.

1. Диалектные словари русского языка: «Словарь русских народных говоров», «Архангельский областной словарь», «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь смоленских говоров», «Псковский областной словарь с историческими данными», «Словарь донских говоров Волгоградской области», «Словарь русских говоров Низовой Печоры», «Словарь русских говоров Башкирии», «Словарь русских говоров Среднего Урала», «Ярославский областной словарь» и многие др.

2. Материал пермских диалектных источников: картотека «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)», картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», картотека лексических и фразеологических единиц, функционирующих в мифологических рассказах Пермского края (составители И. И. Русинова, А. В. Черных, К. Э. Шумов, О. И. Васнева); пермские словари: «Словарь пермских говоров», «Словарь русских говоров севера Пермского края», вып. (А – В), «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого автономного округа», «Словарь русских говоров Южного Прикамья», вып. 1 (Абалтус – Къчига); сборник «Былички и бьвальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» (сост. К. Э. Шумов) и др. пермские материалы.

3. Исторические словари русского языка: «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» Е. Н. Поляковой, «Словарь русского языка XVIII в.» и др.

4. Словари современных литературных славянских языков, диалектные, исторические словари славянских языков, словари балтийских языков, привлекаемые для сопоставления: «Словник української мови», «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича, «Речник на българския език» Н. Герова, «Słownik języka polskiego» (1904–1927 гг.), «Lietuvių kalbos žodynas» и некоторые др.

5. Этимологические словари, используемые не только для установления этимологии, но и в качестве источника недоступной информации о дериватах корней **vĕd-* и **zna-* в языках славянской группы и других групп индоевропейской семьи языков. В работе используются словари Ф. Миклошича, А. Г. Преображенского, М. Фасмера, П. Я. Черных, «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы», «Български етимологичен речник», «Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache» Х. Шустера-Шевца, «Słownik etymologiczny języka polskiego» А. Брюкнера, «Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» А. Спока, «Etimološki slovar slovenskega jezika» Ф. Безлая, «Етимологічний словник української мови» (гл. ред. О. С. Мельничук), «An etymological dictionary of the Ukrainian language» Я. Рудницкого, «Etimologický slovník jazyka českého a slovenského» В. Махека, «Český etymologický slovník» Ю. Райзека и др.

Цель исследования – выявить закономерности развития мифологической семантики у слов с корнями **vĕd-* и **zna-* в русском языке.

Задачи исследования

1. На материале мифологической лексики описать регулярные семантические переходы в группе слов, обозначающих людей со сверхъестественными свойствами, их признаки и действия.

2. Выявить семантические различия корней **vĕd-* и **zna-* в праславянском языке (на индоевропейском фоне).

3. Охарактеризовать лексические гнезда с корнями **vĕd-* и **zna-* в русском языке XI–XVIII вв. и семантические процессы в этих гнездах. Обосновать возможность/невозможность образования единиц с мифологической семантикой в зависимости от значения мотивирующего глагола.

4. На материале русской диалектной лексики XIX–XX вв., отраженной в различных словарях, показать, какой из исследуемых глаголов обладает мифологической семантикой. Опираясь на семантические различия глаголов *ведать* и *знать* в современном русском литературном языке, проанализировать употребление данных глаголов в значении ‘обладать особым, сверхъестественным знанием; быть знахарем, колдуном’ в пермских говорах. Выявить механизм появления этого значения у глагола *знать*, выяснить его экстралингвистическую – мировоззренческую и социальную – основу.

5. Охарактеризовать лексические гнезда с корнями **vĕd-* и **zna-* в современных русских говорах. На основе закономерностей развития мифологической семантики у слов с корнями **vĕd-* и **zna-* восстановить утраченные и/или не зафиксированные в памятниках значения, провести этимологизацию неясных лексем, охарактеризовать процессы ремотивации и контаминации, происходящие в указанных гнездах.

Методологическая основа исследования. В работе применяются методы и исследовательские процедуры, разработанные в области исторической семантики и этимологии.

Критерием надежности полученных выводов о вероятной модели семантического развития, основанной на определенных особенностях мышления, является ее повторяемость, регулярность, поэтому одним из ведущих методов в исторической семантике является *метод семантических параллелей*. В работе проводится описание семантических процессов в лексических гнездах двух близких по значению корней **věd-* и **zna-*, обнаруживающих одинаковые потенции семантического развития при условии сохранения мифологических представлений.

Метод семантического моделирования позволяет восстановить ситуацию первичной номинации, определить мотивирующий признак, легший в ее основу, и выявить определенную последовательность семантических переходов, которая привела к развитию конкретного значения, что в дальнейшем позволяет восстановить утраченные и не зафиксированные в памятниках промежуточные звенья.

При описании синхронных процессов и выделении значений в диссертации используются методы Московской семантической школы под руководством Ю. Д. Апресяна.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В ситуации контакта с обладающим сверхъестественными свойствами человеком носителем традиционной культуры важно обозначить действия, которые «особый» человек способен совершить. Это катализирует активность семантических процессов в глагольной лексике и отглагольных дериватах.

2. Мифологическая семантика регулярно появляется у лексем, содержащих семы 'говорить', 'делать' и 'знать'. Появление мифологических значений у глаголов семантического класса 'знать' и их дериватов предопределено представлениями об обладающих сверхъестественным знанием/силой людях.

3. В XI–XIV вв. мифологическая семантика была свойственна только дериватам с корнем **věd-*.

4. Дальнейшее развитие лексических гнезд с корнями **věd-* и **zna-* было предопределено расширением семантической зоны глагола *знать* и постепенным вытеснением глагола *ведать* на периферию семантического класса 'знать'.

5. В современных говорах наблюдается активное развитие мифологической семантики у глагола *знать* и его дериватов на всей территории распространения русского языка.

6. Вытеснение глагола *ведать* с позиции основного представителя семантического класса 'знать' вызвало серьезное изменение се-

мантики слов с корнем **vĕd-* и особенно дериватов с мифологическими значениями (так как для них присуща теснейшая связь с мотивирующим глаголом), сопровождающееся процессами ремотивации и контаминации.

Теоретическая значимость заключается в выявлении закономерностей семантического развития близких по значению корней, что позволяет увидеть причины появления, развития и исчезновения из языка определенных пластов лексики, уточнить методы и методику проведения такого рода исследований.

Практическая значимость работы. Ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах по истории русского языка, исторической семасиологии, диалектологии, диалектной лексикологии, этнолингвистики, мифологии, истории культуры. Выводы исследования могут быть учтены при составлении диалектных словарей нового поколения – включающих мифологическую лексику.

Работа апробирована на ежегодных Международных научно-практических конференциях «Лингвистические чтения» в Прикамском социальном институте (г. Пермь, 2009, 2011 гг.), на Международной научной конференции, посвященной 80-летию профессора Л. Н. Мурзина «Проблемы динамической лингвистики» (г. Пермь), на ежегодной межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (г. Екатеринбург, 2010, 2011 г.), на Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (г. Санкт-Петербург, 2011, 2012 гг.), на заседании Школы социо- и психолингвистики (г. Пермь, 2011 г.), на заседании кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, декабрь 2011 г.). Всего по теме исследования опубликовано 11 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность обращения к теме работы, выбор изучаемых корней, сформулированы цель и задачи исследования, представлен краткий обзор источников материала и литературы вопроса, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту, характеризуются методы исследования, дано описание структуры работы.

Первая глава «Проблемы изучения мифологической семантики» содержит три параграфа: в первом анализируются актуальные вопросы семантической реконструкции лексики, во втором дается харак-

теристика проблем, связанных с изучением мифологической семантики, в третьем описываются регулярные семантические переходы, которые наблюдаются в группе слов, называющих людей со сверхъестественными свойствами, их признаки и действия.

Анализ мифологической лексики ярко выявляет закономерный характер семантических переходов у глаголов определенных тематических групп. Наиболее часто исследуемая семантика фиксируется у слов, содержащих сему 'говорить', например, появление значений круга 'ворожить', 'колдовать', 'заговаривать' наблюдается в этимолого-словообразовательном гнезде праслав. *bajati. Диал. глагол *басить* имеет различные значения, связанные с процессом говорения: 'занимать кого-л. своими разговорами, рассказами', 'шумно разговаривать', и в то же время значение 'лечить' (Тамб., Ряз.); глагол *отбасить* функционирует в значении 'колдовством, заговорами оказать воздействие на кого-, что-л.': *Зубы болели, бабка пошепчет, отбасит, и перестанут болеть* (Ряз.); сущ. *басиха* приобретает значение 'женщина, знающая заговоры; знахарка' (Тамб., Ряз.). Развитие мифологической семантики свойственно самому глаголу *говорить* и его производным, в говорах *отговорищик* – 'знахарь, колдун, якобы способный излечить от болезни, наговора, порчи' (Пск., Твер.). Семантический сдвиг фиксируется у глаголов, имеющих значение 'говорить тихо, невнятно': глаголы *нашептывать*, *шептать* регулярно используются в значении 'произносить шепотом колдовские заклинания; заговаривать; наговаривать (о знахарях и ворожеях)'. В пермских говорах функционируют дериваты *шепотунья* 'знахарка, колдунья', *шептуха*, *шептарь*.

Круг мифологических значений характерен для целого ряда глаголов говорения, по всей видимости, первоначально экспрессивного характера и их дериватов: *пுவовать* 1) 'ворожить, колдовать' (Арх.); 2) 'ворчать, брюзжать, говорить вздор, болтать' (Волог.), *пухтать*, производные: *пухта* 'знахарь, колдун' (Арх.), *пухтальяца* 'колдунья, знахарка' (Волог.), *пухтарь* 'знахарь' (Арх., Вят.), 'лекарь (врач, фельдшер)' (Вят.) и др.

Помимо этой модели, в языковом выражении проявляет себя универсальное для народной культуры представление о деятельности колдуна и знахаря как о некой «профессии», что может быть проиллюстрировано следующим примером, где навыки магического лечения названы ремеслом: *Кому ладить ремесло отдать?* (Арх.) [СРНГ 35: 55]. Значение 'колдовать' появляется у глаголов, содержащих основную сему 'делать', прежде всего, у самого глагола *делать*: *Был Григорий, он всем чё-то делал. Если не сделает, его мучит прямо. Женщина как-то шла, пожилая уж. А он помой вылил. Она возьми и перешагни их. И нарыв внутри стал* [КМЛПК]. Сущ. *поддел* фиксируется в значении 'колдовство или зелье, от которого человек превращается в ко-

го-л, что-л. или заболевает' (Смол.). Глагол *ладить* и его дериваты также развивают в говорах вторичные значения, но чаще обозначают магические практики, связанные с устранением последствий колдовства, лечением, любовной магией: *Нарывы ладятся: мачехин лист при-вязывают* (КАССР) [СРНГ 16: 233–234].

В традиционной культуре чужим – этнически, социально и т. д. – приписывается владение неким тайным знанием, источник которого мыслится как иномирный. Это знание отличает их от других людей и выделяет в особую группу «знающих». Представления об обладающих особым, потенциально опасным знанием людях предопределили активность семантических процессов у глаголов класса 'знать' и их дериватов. В говорах они способны обозначать способность человека общаться с иным миром, быть знахарем/колдуном, колдовать, лечить, видеть прошлое и предсказывать будущее. От двух глаголов – *знать* и *ведать* – в русском языке в различное время произведены следующие лексемы, обозначающие людей со сверхъестественными свойствами: *ведьма, вещун, вещица, вещьца, ведь, ведея, вежливец, знахарь, знаткой, знаток, знатник, знатница, знакуля* и мн. др., их признаков: *знатная бабушка, знаткий человек* и пр., действий: *знать, знать слова, знать бесей, знахарить, ведьмовать, отведать, отведывать* и т. д.

В первой главе формулируется задача, решаемая в двух последующих главах: проанализировать и описать развитие мифологических значений у глаголов семантического класса 'знать' и их дериватов, тем самым заполнить имеющуюся лауну в исследовании закономерных семантических переходов.

Во **Второй главе** «Развитие мифологической семантики у глаголов класса 'знать' и их дериватов в праславянском языке – русском языке XVIII вв.» анализируются семантические различия глаголов *вѣдѣти* и *знати*, дается характеристика единицам, обладающим мифологической семантикой в указанный период, выявляются основные тенденции семантического развития гнезд, восстанавливаются значения дериватов, не зафиксированные в памятниках.

Современные синонимичные глаголы *ведать* и *знать* представляли в древнерусском языке четкую семантическую оппозицию, нейтрализуясь лишь в ограниченных контекстах. Глагол *знати* указывал на знакомство с внешними признаками объекта и, как следствие, на способность опознать этот объект, второй глагол *вѣдѣти* (*вѣдати*) в большинстве случаев указывал на знание некоторой ситуации. Таким образом, семантическая структура глагола *знати* не позволяла его производным образовывать мифологические значения.

В языке XI–XVII вв. обнаруживается множество дериватов со значением ‘знающий, сведущий’, образованных от корня **vĕd-*. Синонимичные лексемы с корнем **zna-* впервые появляются только во 2-й пол. XVII в. Дериваты исследуемых корней семантически противопоставлены: для производных с корнем **zna-* со значением *nomina agentis* характерны два круга употреблений: первый связан со знанием какого-либо дела, второй – со способностью «знаюка» указать путь (в том числе и по воде), границы, выступить свидетелем при земельных спорах, опознать человека, траву и т. п., при этом дериваты с корнем **zna-* не способны указывать на человека, обладающего большими знаниями, мудрого, сведущего, в отличие от производных с корнем **vĕd-*. Исключительно только для лексем с корнем **zna-* фиксируется значение ‘знак’ и только для производных с корнем **vĕd-* – значение ‘знахарь, колдун’. Лексемы с корнем **vĕd-* могут обозначать как человека, вредящего людям и животным, так и, напротив, лекаря, избавляющего от последствий колдовского воздействия.

Вероятно, корни **ueid* – **uoid* – (праслав. **vĕd-*) и **ġnō* – **ġen-* (праслав. **zna-*) по-разному делили семантическое поле знания в истории и.-е. языка и значение ‘узнать кого/что, опознать (по визуальным признакам)’ является лишь ступенью семантического развития и.-е. корня **ġnō* – **ġen-*. Если предположить, что более древним значением и.-е. **ġen-* ‘знать’ является не ‘знать, опознавать по визуальным признакам’, а ‘знать, быть знакомым’, тогда становится ясно, как могли быть связаны **ġen*⁻¹ ‘знать’ и **ġen*⁻² ‘рождать(ся)’. Предположительно, значение ‘быть родственным с кем-л.’ развило производное значение ‘быть знакомым с кем-л.’. Однако это положение нуждается в подтверждении на обширном материале и.-е. языков.

По всей видимости, глагол *ЕЪДЪТИ* в древнерусском языке регулярно использовался в значении ‘обладать особым, сверхъестественным знанием’, которое повсеместно в современных русских говорах фиксируется для глагола *знать*. Более того, это значение могло быть присуще и.-е. корню **uoid* -. Замечено, что развитие мифологической семантики в других и.-е. языках также фиксируется для слов, восходящих к корню **uoid* -, ср. *Fedelm* – имя поэтессы, пророчествующей о судьбе похода в ирландской саге «Похищение быка из Куальнге»; гальское *uidhua* ‘ясновидящая’ < **vidlmā*; англ. *wizard* ‘колдун’ < *wise* ‘мудрый, знающий’ < *to wit* ‘ведать’; прусск. *waidleimai*, инф. **vaidlī-tvei* < **vaidilē-tvei* < сущ. **vaid-il-as* ‘знахарь, колдун’; лит. *vaidilā* ‘жрец’ (но и ‘актер’), *vaidilutis* ‘жрец’, *vaidihūte* ‘жрица’, совр. лит. *váistas* ‘лекарство’ (от **vaid-ta-* ‘знание’), отсюда *vaistinė* ‘аптека’, *váistėti* ‘лечить’, диал. *paváistėti* ‘излечить’ и др.).

Литовский язык обнаруживает те же тенденции развития, что наблюдаются в русском. В современном литовском языке многие лексемы, принадлежавшие этимолого-словообразовательному гнезду и.-е. корня **uoid-*, утрачены языком или существенно изменили свое значение. Многочисленные дериваты, обладающие мифологической семантикой, восходят ко второму исследуемому и.-е. корню **ǵnō-/ǵen-*, перечислим лишь некоторые: *žynys* 1) 'знахарь, -рка; колдун, -нья', 2) 'жрец, жрица'; *žynystė* 'колдовство'; *žiniūnas, žiniūnis* 1) 'то же, что *župys*', 2) 'вещун, -ья'; *žyniauti* 'заниматься знахарством (колдовством), колдовать'; *žyniavimas* 'колдовство' и др.

С XIV века в русском языке происходит расширение семантики глагола **ЗНАТИ** и активное вторжение в семантическую зону глагола **ВЕДАТИ**. Этот процесс, по всей видимости, был заложен еще в и.-е. языке, так как и в других и.-е. языках наблюдается вытеснение из языка одного из двух синонимичных глаголов.

Глагол **ЗНАТИ**, занявший место основного представителя класса 'знагь', становится способным образовывать дериваты с теми же значениями, что и **ВЕДАТИ**, что должно спровоцировать постепенное вытеснение словообразовательного гнезда слов с корнем *věd-* из языка. Значения 'знающий, обладающий достаточными или большими знаниями' и производное от него 'обладающий особым, сверхъестественным знанием, знахарь, колдун', предположительно, могли появиться в гнезде слов с корнем **zna-* уже в XVII в.

В XVIII в. дериваты с корнем уже **zna-* образуют значение 'знающий человек, знак', что дает толчок для развития мифологической семантики. Борьба синонимов с корнями **věd-* и **zna-* заканчивается для некоторых лексем стилистической дифференциацией, сужением, расширением или другим изменением значения одного из конкурирующих синонимов, а в других случаях – исчезновением из языка.

Близость значений, ассоциативные связи и омонимия приводят к неразличению в сознании носителей языка этимологически разных корней *вещ¹-* (*věščь < věd-t-j-ь*) и *вещ²-* (*věštati < větjati*). Оно отражается в «Словаре Академии Российской» 1789 г., где слова *вещец, вещий, вещун, весть, предвещаю, предвестник* и другие, в которых можно выделить *вещ¹-* (а также *вест-*) и *вещ²-*, объединены по формальному признаку в одну словарную статью; слова, образованные от *вед-*, – в другую. Постепенно происходит семантическое сближение производных *вещ¹-* с группой слов, образованных от *вещ²-*, сопровождаемое постепенной потерей продуктивности корня *вед-*.

В Третьей главе «Мифологическая семантика в лексических гнездах с корнями **věd-* и **zna-* в современном русском языке» исследуется процесс появления значения 'обладать особым, сверхъестест-

венным знанием; быть знахарем, колдуном⁷ у глагола *знать*, характеризуется семантика лексем с корнями **ved-* и **zna-*, описываются потенциальные пути дальнейшего развития этой группы лексики.

В мифологических текстах колдовское знание представляется как знание сугобо практическое, отражением чего является использование в мифологических текстах глагола *знать* в значении 'уметь что-л. делать' (*знать колдовство*), однако само по себе значение 'уметь что-л. делать' у глагола *знать* не является мифологическим, функционирующим исключительно в колдовском дискурсе.

Обладание особым, сверхъестественным знанием в мифологических рассказах во многих случаях выражается теми же языковыми единицами, что и обладание любым другим знанием, при этом используются:

- сочетания глагола *знать* с количественными наречиями – *знать много* (и синонимичные *знать здорово*, *знать толсто*, *знать крепче*), единичное *знать маленько*; в говорах сочетания глагола *знать* с количественными наречиями употребляются для указания на владение большими, чем у других, знаниями;

- сочетания глагола *знать* с неопределенными местоимениями *что-то* (*что-нибудь*, *чѣ-то*, *чѣ-тося*, *чѣ-ко*, *чѣ*); это неопределенное и неназванное «что-то», актуализируемое в текстах о колдунах и знахарях, является знанием, которым большинство людей не владеют;

- сочетание глагола *знать* с местоимением *всѣ*, которое в говорах используется для указания на лиц, владеющих различного рода знаниями: грамотой, специальным или профессиональным знанием, большими, чем у других, познаниями и опытом, знаниями сказок, историй и т. п., знаниями молитв и обрядов.

Общую модель контекстуального семантического сдвига можно представить как:

- 'обладать большими, чем остальные, знаниями, обладать знаниями, которыми не владеют остальные (в том числе специальными, сближаемыми с профессиональными)' > 'обладать особым, сверхъестественным знанием'.

Подобное семантическое развитие предопределено бинарной архаической оппозицией «свой – чужой»: тот, кто обладает знаниями большими или иными, чем у остальных, является «знающим». Этот человек является противопоставленным остальным членам общины: мыслится, что он общается с «иным» миром, обладает сверхъестественным знанием/силой и потенциально опасен.

Частотными являются сочетания, в которых валентность объекта знания глагола *знать* заполняется названиями мифологических персонажей и табуистическими наименованиями в винительном падеже:

знать беса (бесей), черта (чертей), русалку, окаянного. Они близки по значению еще более многочисленным и разнообразным сочетаниям глагола *знать* с существительным в творительном падеже: *знать* с *бесом (бесями), чертом (чертями), дедушкой, дьяволом, сатаной, окаянным, нечистым духом, нечистым, лешим, лесным хозяином, лесным, царем лесным.*

Общую модель семантического сдвига можно представить как:

– ‘быть знакомым с (наименование мифологического персонажа)’ > ‘обладать особым, сверхъестественным знанием; быть колдуном’.

Эти устойчивые сочетания имеют несколько более узкий круг употреблений: они способны использоваться только в случае, когда источником получения сверхъестественного знания мыслится нечистая сила, с которой колдун связан, и неприменимы для указания на знание лекаря, сверхъестественное знание которого идет от Бога.

Валентность объекта знания при глаголе *знать* также может быть заполнена существительными определенной тематической группы: *слова, словинка, заговор, стишок, отговоры, молитвы, махлушки,* которые связаны с вербальным способом магического воздействия.

Общую модель семантического сдвига можно представить как:

– ‘иметь сведения о чем-л.’ + объект знания (*знать слова, знать стишок, знать заговоры, знать отговоры* и др.) > ‘обладать особым, сверхъестественным знанием’.

Глагол *знать* в мифологических текстах часто употребляется абсолютно – без заполнения своих валентностей. В абсолютном употреблении этот глагол в чистом виде выражает значение ‘обладать знаниями’, в данном случае – особыми, сверхъестественными знаниями. Глагол *знать* в подобных конструкциях имеет широкую синкретичную, неопределенную семантику и способен употребляться в различных ситуациях – не только для указания на колдовское и знахарское знание, но и на некие особые способности, непосредственно не связанные с вредоносной деятельностью колдуна или положительной знахаря.

В мифологических рассказах глагол *знать* употребляется и в пропозициональном значении, при этом он часто приобретает особый оттенок – ‘обладать даром ясновидения, предвидения, знать прошлое и будущее’.

В XX в. глагол *знать* практически вытеснил *ведать*, оставив последнему лишь узкую сферу употребления, что спровоцировало серьезную перестройку семантики словообразовательного гнезда с корнем *věd-*. В современных русских говорах дериваты корня **věd-* с мифологической семантикой используются исключительно редко. Для

сравнения, если словосочетание *знающий человек* ‘знахарь, колдун’ регулярно обнаруживается в пермских говорах, например: *Если я был колдун, то про меня бы сказали, что вот, мол, знающий человек* [КАС]; *К знающим людям обращались, у трёх бабок лечилась. Чтобы порчу вывести, надо обязательно у трёх побывать* [КСРГСПК] (всего в картотеке представлено 29 контекстов со словом *знающий* в значении ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием’, включая случаи субстантивации – *знающий, знающая*), то одноструктурное сочетание *ведущий человек* фиксируется лишь однократно: *Вода после обмывания покойника выливалась на улицу, а ведущие люди прибирали* [КСРГСПК].

В современном русском языке в лексическом гнезде с корнем **věd-* наблюдаются следующие тенденции семантического развития.

1. Выгеснение из языка глагола *ведать* вызвало не только уход производных из языка, но и значительное изменение их семантики, сопровождающееся процессом демотивации и контаминации.

2. Существительные с корнем *вед-* – *ведун* и *ведунья* – приобретают значение ‘знахарь, добрый колдун’, чему способствовало изменение семантики глагола *ведать*, который в современном языке небезразличен к ценностной ориентации мира и не употребляется с «негативным» субъектом.

3. Слова, образованные от сущ. *ведьма* (*ведьмак, ведьмака, ведьмач, ведьмачка, ведьмарь, ведьмова*), обозначающая злых колдунов и колдуний, используются как бранные.

4. Слова с корнем *вещ-* полностью дестимологизируются. Они контаминируют с заимствованным из ст.-слав. языка глаголом *вещать* и образуют новые значения, например, слово *вещица* фиксируется в значении ‘сплетница’: *Она из избы в избу перехаживат, вести перешаивает, така вещица. Баба эта, везде ей всё надо узнать, все передать, настоящая вещица* [СПГ 1: 94]. В этом гнезде для многих лексем характерно появление значения ‘сорока’ (а также наименований др. птиц), что связано с представлениями о птицах как о духах-предвестниках будущих, как правило, негативных событий: *вещунья* ‘название птиц, предвещающих беду, несчастье’: ‘сорока’ (Моск., Яросл.), ‘ворона’ (Ворон.), ‘кукушка’ (Смол., Тобол.) и др. Только как эпитет сороки сохранилось в акчимском говоре прил. *вещой*: *Вот сороку у нас называют вещой, когда прилетает над окном-то керкат. Говорят, весть принесла каку-то, не применяется это к человеку у нас* [КАС].

В результате контаминации лексем *вещица* ‘колдунья, склонная к оборотничеству’ и *векша* ‘белка’ (*векшица* ‘маленькая белка’) появляется слово *векшица*: *Векшица – та же ведьма. Векшицей любой мо-*

жет сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают. Они в лесу в груды собираются и праздники делают. Вреда много приносят. Женщина последнее время ходит, они ребенка достанут. А на то место положат или мыло, или головенку [Былички и бывальщины: 304]. Контаминации способствовали: 1) утрата лексемой *веищица* связи с мотивирующим глаголом *ведать* и затемнение внутренней формы; 2) развитие у слова *веищица* множества переносных значений, в том числе ‘сорока’, ‘лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки’; 3) появление у слова *векшиа* значения ‘сорока’; 4) фонетическая близость в пермских говорах *веищица* (*веишьица*) и *векшица*.

В целом, дериваты с корнем **vĕd-* постепенно вытесняются из языка дериватами с корнем **zna-*, для последних характерна широкая употребительность в текстах мифологических рассказов.

Для словообразовательного гнезда слов с корнем **zna-* наблюдаются следующие тенденции развития.

1. Наличие обширных рядов синонимов: с помощью различных суффиксов в говорах русского языка образуются десятки наименований со значением ‘знахарь, колдун’, ‘знахарка, колдунья’, ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием (о знахаре, колдуне)’. Слова с корнем *зна-*, обозначающие деятеля, – *знакулья, знакуля, знат, знатец, знатка, знаткий, знаткой, знаток, знатливый, знатник, знатник, знатун, знаха, знахар* [удар. ?], *знахарица* – в говорах русского языка имеют, как правило, ряд значений: ‘знающий человек’, ‘знахарь – человек, лечащий людей и животных травами и заговорами’, ‘колдун – человек, обращающийся к помощи сверхъестественных сил, чтобы вредить людям, животным’.

2. Тесная семантическая связь дериватов глагола *знать*, обозначающих людей, которым приписывается сверхъестественное знание/сила, с мотивирующим глаголом.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы изучаемой области.

Исследование выявило следующие лексико-семантические закономерности развития слов с корнями **vĕd-* и **zna-* в русском языке.

1. Наличие представлений об обладающих особым, сверхъестественным знанием людях формирует регулярную семантическую деривацию: ‘знать’ > ‘обладать особым, сверхъестественным знанием; быть знахарем, колдуном; колдовать’; ‘знающий’ > ‘обладающий особым, сверхъестественным знанием’, ‘знающий человек, знаток’ > ‘знахарь, колдун’.

2. В сфере мифологических значений как глагол класса ‘знать’, так и его дериваты обладают неопределенной семантикой, чаще не содержат указания на направление магического воздействия (положительное или отрицательное). Дериваты, образованные от глагола класса ‘знать’, образуют широкие ряды синонимов.

3. Только один глагол семантического класса ‘знать’ – основной представитель класса – и его дериваты активно участвуют в образовании единиц с мифологической семантикой.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Научные статьи в изданиях по перечню ВАК РФ:

1. Шкураatok Ю. А. Семантика лексемы *знающий* в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология: науч. журн. 2011. Вып. 4 (16). С. 68–73.

Публикации в других изданиях:

2. Шкураatok Ю. А. Мифологическая лексика в пермских говорах (слова с корнем *зна-*) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: матер. и исслед. / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 201–211.

3. Шкураatok Ю. А. *Вещетинье* и *вещие люди* в русских говорах // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда, 2008. С. 103–111.

4. Шкураatok Ю. А. История и этимология слова *вещица*: об одной этимологической ошибке // Лингвокультурное пространство Пермского края: матер. и исслед. / ред. Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. Пермь, 2009. С. 105–118.

5. Шкураatok Ю. А. Реализация регулярной семантической модели [от ‘знать’] > ‘колдун, лекарь, провидец’ на примере этимологическо-словообразовательного гнезда глагола *ведать* // Лингвистические чтения: Цикл 5: матер. науч.-практич. конф. / Прикамск. соц. ин-т. Пермь, 2009. С. 108–112.

6. Шкураatok Ю. А. «Ведовская» лексика в «Деле по извету М. Сनावидовой и Степаниды арапки на мастерицу Д. Ламанову, сыпавшую пепел жженой рубашки на след царицы Евдокии Лукьяновны» // Проблемы динамической лингвистики: материалы Междунар. научн. конф. / отв. ред. В. А. Мишланов. Пермь, 2010. С. 249–253.

7. Шкураatok Ю. А. История и этимология слова *вещливеец* // Слово в традиционной и современной культуре: тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2010. С. 86–88.

8. Шкураток Ю. А. О параллелях в русском и балтийских языках (на материале лексики с корнями *зна-*, *žin-* / *žyn-, zin-*) // Лингвокультурное пространство Пермского края: матер. и исслед. / ред. Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 2. С. 94–104.

9. Шкураток Ю. А. Формирование «особого» значения глагола *знать* (на материале пермских говоров) // Лингвокультурное пространство Пермского края: матер. и исслед. / ред. Е. Н. Полякова; Перм. ун-т. Пермь, 2011. Вып. 3. С. 72–94.

10. Шкураток Ю. А. Семантические особенности названий колдунов и знахарей, образованных от синонимичных глаголов *ведать* и *знать* (на материале пермских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров: матер. и исслед. 2011. СПб., 2011. С. 146–153.

11. Шкураток Ю. А. Этимология пермского диалектного слова *вёкшица* // Слово в традиционной и современной культуре: тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2011. – С. 90–92.

Подписано в печать 22.02.2012. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № 628 / 2012

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.